

© 2010 г. Л.А. Савченко

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Актуализируется проблема повседневности в связи с глобализацией социальных и коммуникативных практик. Универсальность социальной среды требует методик исследования типизированных действий. Возможность целерационального действия определяется когерентностью социальных пространств. Предлагается анализ различных подходов как в методическом плане исследования, так и в практике их реализации, исследование повседневных действий делается с позиции их критики, оценки и экстенсивной экспликации.

Ключевые слова: повседневность, жизненный мир, целерациональное действие, идентификация, когерентность, типизация.

В общественных науках возрастает интерес к теоретическому осмыслению проблем трансформации и реформирования общества. В обществе большое значение приобретают проблемы сохранения социального мира и социальной адаптации. При изменении системы социальных связей и отношений ломаются традиционные структуры повседневности и людьми овладевают чувства беспокойства и неуверенности. Человек чувствует себя в безопасности, когда он понимает действия других. Когда он может рассчитывать, что его тоже могут понять. Такое состояние традиционно в основном для закрытых обществ. В рамках отграниченных социальных общностей складывались стереотипы поведения и мышления, общепризнанные символы, которые легко узнавались членами сообществ. В современном мире разрушаются этнические, культурно-исторические и политические границы, традиционные сообщества, устоявшиеся формы повседневных связей. Имманентные этнокультурные отношения заменяются отношениями, построенными на внешних символах идентичности. Такие тенденции ведут к повседневной дезинтеграции в обществе на фоне глобализации социальных отношений. Изменить ход процесса нельзя, но можно разработать социальные тех-

нологии, которые не только смягчат социальные противоречия для отдельных индивидов, но и смогут создать системы социальной адаптации. Исследование повседневности способно прояснить вышеназванные проблемы, и более того, должно сформировать «технический аппарат» механизмом адаптации повседневности к быстро меняющимся реалиям. Таким образом, в центре данного исследования находятся вопросы. Какова структура повседневности? Как происходит идентификация субъектов повседневности? Как осуществляется коммуникация и передача информации в повседневном общении? Какова модель связей и отношений повседневности? Какими методами можно исследовать повседневные связи и отношения? Показана возможность разработки методик и техник конструирования и реконструирования повседневности, даются практические рекомендации по использованию методик работы с повседневностью.

Новизна данного исследования состоит в комплексном антропологическом, социально-философском, социологическом анализе повседневности. Выявлены структуры повседневности, которые играют ведущую роль при формировании социальной реальности. Повседневные структуры представлены как иерархия базовых и актуальных структур, раскрыты механизмы их влияния на процессы социальной коммуникации. В статье делается попытка объединить философские, культурологические, психологические, социологические и исторические подходы и на этой основе создать междисциплинарную теорию повседневности. Каждая из названных наук в отдельности изучает повседневные связи и отношения, личностные и групповые особенности и формы поведения, деятельность и ее результаты. В результате мы имеем расчлененные фрагменты целого – повседневности, которая и есть наше бытие. Может ли наука создать систему методов, которые позволили бы ей осуществить системный подход к изучению повседневности? Утвердительный ответ на этот вопрос влечет за собой проблемы практического использования знаний о повседневности и возможности социального конструирования в условиях глобализации социальных связей.

Для выяснения системных характеристик объекта исследования автор ориентируется на работы Альфреда Шюца в области изучения всеобщих структур понимания другого, всеобщих типов ожидания, Юргена Хабермаса о нормативных правилах коммуникации, Гуссерля по проблеме идеализации

и универсализации априорной логики интеракций, большое значение придается также результатам исследований в направлениях символического интеракционизма и этнометодологии. Особое внимание уделяется трудам Мида о структуре социального действия, а также Бергера и Лукмана о типах действия в повседневных отношениях. Повседневность как перспектива и предмет исследования социальных наук возникает в условиях конъюнктуры понятий и представлений, которые вырабатываются в основном в моменты, когда обращение к традициям становится наиболее актуальным. Если мы посмотрим историю социологических исследований, то увидим, что обращение к феномену повседневности случалось тогда, когда социально-экономическое и социально-культурное познание находилось в кризисе. Современные тенденции усиливали критику цивилизационных аспектов, и повседневность была как раз той характеристикой бытия человека, которая выступала оружием или главной категорией идеологии критики прогресса. Социологи использовали категорию повседневности, опираясь на ее универсальные возможности. При помощи этой категории можно было показать как политически прогрессивное движение вперед, так и реставративно-консервативные тенденции общественного развития. При помощи категории «повседневность» описывалось и отчуждение реформаторского революционного сознания, и возможности потенциального частнособственнического отчуждения целерационального мира. В то же время категория «повседневность» использовалась как образец общественного развития, с которым можно связывать надежды на дальнейший прогресс в обществе.

Начнем с разработки схемы, которую в 1978 г. предложил Элиас [1] и в 1981 г. продолжил Бергманн [2]. Они пытаются представить входящие ингредиенты в понятие повседневности на том или ином этапе. Их исходная позиция – это «повседневность как исторически изменяющаяся категория, используемая для характеристики повседневного действия. Это исторически индифферентная категория для обозначения волевых усилий, узнаваемых, постоянно воспроизводящихся социальных действий и естественных процессов в обществе. Повседневность – это означает быть известным, быть связанным с повседневным действием, с повседневным познанием социальных явлений» [1, с. 22]. Прежде всего, здесь мы отмечаем анонимность, отчужденность, удаление субъекта из данной категории. Такая науч-

ная программа характерна и для теории познания марксизма, когда предполагается объективность рассмотрения. Повседневность как партикуляция (разъединение, разобщение) используется в качестве метода, когда необходимо сопоставление. В обществе индуцируется парный объект (в основном к ним относятся семейные пары), который выделяется из общественной тоталитарности. Повседневность можно описывать также с точки зрения конституции необходимого общественного сознания, места, где это общественное сознание проявляет себя. И в то же время повседневность – это научная рефлексия, которая проникает в мистификацию восприятия окружающей среды, свойственную индивиду или социальным группам. Повседневность в другом варианте можно «рассматривать как представления здорового сознания людей в данном обществе» [2, с.58].

Следующий вариант – рассмотрение повседневности в качестве социального жизненного мира. Здесь повседневность предстает как система, объективный мир, материальный субстрат, репрезентирующий внутреннее психологическое состояние субъективного мира. С точки зрения этнометодологии повседневность рассматривается как ситуативное ограничение познания действительности и методически направляемое и контролируемое систематическое действие. Элиас определяет повседневность как «форум субкультурных субъективно-рациональных действий. Центральным пунктом здесь – ситуативная легитимация действия, которое основывается на личной биографии» [1, с. 25]. Относительно к этому дается такое дополнение повседневности: «Общественные домены бюрократического целерационального действия, к которым относятся управленческие структуры, строят свою деятельность на принципе «плановности». К этому относится утилизация экономических целей, направленная или основанная на целерациональном действии. Здесь центральным пунктом рассмотрения будет обмен ценностями, и следующим моментом будет когнитивная рациональность, построенная на возможности проверки результатов» [2, с. 59]. Такой подход в научном познании использует интересующее методологически оправданное действие. Повседневность в современном постмодернистском обществе определяется, с одной стороны, как поле деятельности некомпетентных субъектов, т.е. поле деятельности людей, которые выполняют конкретные частные функции. С дру-

гой стороны, как интервенция практики ученых, политиков и работников искусства, как общество действия профессионалов.

Следующее определение повседневности исходит из того, что «это провинция смысла», «...ограниченное пространство, где существует фактическое и утопическое мышление» [2, с. 52]. Либо это мистический, трансцендентальный мир смыслов, по ту сторону рационального познания, который «позволяет рационализму обойти себя». Как видим, представленные попытки дифференциации повседневности построены, с одной стороны, на принципах логики, с другой – на подходе к повседневности, который рассматривает ее как область, еще не получившую в науке точных дефиниций, т.е. противопоставляется эпистеме, научному познанию. Тем самым повседневность – это не оформленное научное понятие, а социальное отношение, еще не получившее категориального статуса, которое прежде всего призвано противостоять своей противоположности – понятиям, существующим в эпистеме, в социальной науке. Повседневность – это жизнь человека вне научных категорий, это та жизнь, которую предстоит описать в социологической науке. Научные социологические дебаты, к которым можно отнести идеи Фейерабенда, Дуэра и Беме, их дискуссия с современниками по поводу социологии как действенного релятивизма социально-научного элемента познания в социологии, с которым связан опыт исследования непосредственной рациональности, вызваны быстро меняющейся социальной действительностью в постмодернистском обществе. Социологическая парадигма – это прежде всего когнитивный релятивизм в социальной науке.

Названные авторы предлагают имманентный развитию социологии демонтаж научного принципа рациональности. Для этого Беме, например, рассматривает герменевтическую социологию разума [3], а Альфред Шюц предлагает по этому поводу развивать идеи повседневности в социальных науках [4]. Вводя в социологию проблемы понимания, мы таким образом объединяем несколько уровней исследования общества. С одной стороны, изучаем проблемы повседневности с точки зрения понимания человеческих действий, поступков, отношений, а с другой стороны, подключая социологическую исследовательскую программу Scientific Community, видим интеракции между двумя этими исследовательскими направлениями. При этом мы конструируем два уровня: прежде всего – идеально типизированной модели,

в которой социология рассматривает повседневные конструкты как конструкции первого уровня. На таких конструкциях базируются процессы понимания и повседневного действия. Посредством этого повседневное знание как конструкт неспециальной социологии будет реабилитировано, и социология все ближе и ближе в своих исследованиях будет подходить к реальной жизни и действительно конкретным научно-социальным высказываниям как конструктам второго уровня.

Парадокс социологии состоит в следующем: использование категории повседневности по сравнению с другими категориями социологии приводит к тому, что сама категория «повседневность» в рамках социологии приобретает неповседневное значение. Она наполняется содержанием теоретической рефлексии, становится ею и приспособливается для того, чтобы проанализировать общую платформу новых социальных отношений между неспецифическими социальными науками и теми социальными науками, которые объектом своего исследования делают непосредственно социальные отношения. Начало «карьеры» категории повседневности произошло несколько десятилетий назад, когда она находилась в терминологическом резервуаре различных социальных наук и школ, изучающих социальные объекты. Рассматривая то время и использование категории «повседневность» данными школами, можно сказать, что само содержание категории фактически не отличается от того содержания, которое и сегодня вкладывается в нее некоторыми социальными науками. Это рутинные отношения между людьми, способ мышления, который складывается на основе ежедневного опыта, социальные нормы и формы поведения на основе этих социальных норм, которые опять же возникают в результате обыденной жизни.

Можно сказать, что в содержании категории повседневности, в попытках ее новой рефлексии конвертируют несколько соционаучных теорий и направлений. Категория «повседневность», в которой раскрываются условия совпадения действий людей в обществе, есть у Зиммеля в его попытках методологических дискуссий, где проблема контроля «своего» и «чужого» ставится как социальная проблема [5]. Категория повседневности употребляется также в теории познания социологии как науки. Фиркандт использовал категорию «повседневность» для того, чтобы увидеть преодоление позитивизма в немецкой социологии современности. Его работа «Преодоление позитивизма в

немецкой социологии современности» (1926) содержит аргументы, позволяющие ввести категорию повседневности в рамки современной социологии, которая сможет помочь преодолеть позитивизм в социологическом знании. Еще одно направление, получающее сегодня все большее распространение и положившее начало активным дискуссиям по проблеме определения категории повседневности и использования ее, – это социология и философия Альфреда Шюца. Ученый инспирирует феноменологические социальные теории в их социологически эмпирических категориях, и здесь категория «повседневность» используется им как социологическая категория, которая описывает трансцендентально-философский жизненный мир или трансцендентально-философские представления жизненного мира. Хайдеггер пользуется категорией повседневности для описания экзистенциального феномена тут-бытия.

Поздние работы Виттгенштейна базируются на философии нормального языка. И здесь при понятии «нормальный язык» мы опять возвращаемся к идеям повседневности. Современные научно-социологические направления, в первую очередь представленные работами Лукмана, Бергера [6] и Хольцнера, используют категорию повседневности для создания новой социальной науки. Гарфинкель, основатель современной этнометодологии, опирается при изучении повседневности на структурные правила жизненных интересов. Философский базис прагматизма, символического интеракционизма, проблемный круг ситуативного действия и социальной действительности также используют понятие повседневности. Общественно-научная герменевтическая философия Дельтея и Гадамера подчеркивает общественное значение исторического процесса понимания, который должен реконструировать историю и наше понимание в том числе. А поскольку реконструкция возможна только тогда, когда мы вплотную приближаемся в понимании к ситуации действия, Дельтеем и Гадамером [2] вводится категория повседневности. Материалистическое герменевтическое направление, которое олицетворяет Хеллер, тоже лежит в русле этих исследований. Еще одно направление, рассматривающее псевдоконкретность понятия повседневности, можно отнести к современным тенденциям в развитии философского и социологического знания. Оно представлено Косиксгруппой.

Несмотря на то, что многие социологические теории, как мы увидели выше, и традиции мышления в социальных науках конвергируют в

направлении определения понятия повседневности, тем не менее это не единственное, что хотелось бы изменить и развить в гетерогенной теоретической ситуации. Необходимо такое объединение социальных наук и различных теоретических направлений, которое позволило бы разработать всеобщие категории исследования конкретного повседневного действия и повседневных значений этих действий, характерных для социальной жизни. Таким образом, в конвергенции различных направлений мы ищем не столько общее для выработки понятия повседневности, сколько общий базис, общую систему категорий и сам понятийный аппарат, который мог бы исследовать реальность не только как теоретический объект. Если конвергенция различных направлений пойдет в таком направлении, где будут лишь претензии на создание эпистемиологической автономии социального познания и в эту эпистемиологическую автономию должна будет вписана еще одна категория социального познания, то в таком случае конвергенция направлений будет со знаком минус. Несмотря на конвергенционные течения различных направлений, в социологии, ориентированной на повседневные исследования, мы видим уже многочисленные дискуссии, которые стараются создать будущую методологическую и теоретико-познавательную базу, где особое внимание уделяется проблемам метода исследования, метода исследования нового, практически значимого объекта, которым становится повседневность.

Социальные науки в их фактической институционализации сознательно ушли от анализа контекста повседневного действия. Повседневное действие для них — это исходный пункт рассмотрения жизненно важных смыслов практической деятельности. В этом отношении дискуссия социальных философов о повседневном действии предстает как островок в мире практики. Социологию часто воспринимают как своего рода общественную терапию, которая при помощи исследований повседневности и социальных действий может вырабатывать определенные системные правила поведения. Но это неверное представление о социологии. Настоящее ее предназначение — исследовать повседневные действия с позиции их критики, оценки и экстенсивной экспликации возможных альтернатив этого действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ellas N. Zum Begriff des Alltags // Hammerlich K., Klein M. (Hrsg.). Materialien zur Soziologie des Alltags. Kolner Zeitschrift fur Soziologie und Sozialpsychologie. 1978.
2. Grathoff R. Milieu und Lebenswelt. Einfimrung in die phanomenologische Soziologie und sozialphanomenologische Forschung. Munchen, 1989.
3. Bohme G. Alternativen der Wissenschaft. Frankfurt a/M, 1980.
4. Grathoff R., Sprondel M. Alfred Schutz und die Idee des Alltags т den Sozialwissenschaften. Stuttgart, 1979.
5. Зиммель Г. Проблема социологии и социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования: В 2 т. М., 1996. Т.2.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

Южный федеральный университет

28 апреля 2010 г.